

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ

«СУДЬБА СУДИЛА ПЕТЬ»

Казин родился в 1898 году в семье рабочего-водопроводчика. «Мой отец — простой водопроводчик, ну а мне судьба судила петь. Мой отец над сетью труб хлопчет, я стихов вызваниваю сеть», — писал он в ранних произведениях. В 1918 году Василий Васильевич Казин принимал участие в организации Союза рабочей молодежи «III Интернационал» и работал секретарем Бауманского райкома комсомола, помогал создавать общество пролетарских писателей «Кузница», куда наряду с Казиным вошли такие яркие и талантливые поэты, как Александровский, Герасимов, Кириллов, Полетаев. Я называю только лучших из них... Но если бы «Кузница» выдвинула из своей среды одного только Казина, она уже оправдала бы свое существование.

«Живей, рубанок, шибче шаркай, шушукай, пой за верстаком, чеши тесину сталью жаркой, стальным и жарким грешком...»

«Бреду я домой на Пресню, считается усталость в плечах, а фартук красную песню потемкам оет к кирпичах.

Поет он, как выше, выше я с ношей красной лез, казалось — до самой крыши, до синей крыши небес...»

Стихи, вошедшие во многие хрестоматии и книги для детского чтения.

Первый сборник стихов Казина «Рабочий май» находился в библиотеке В. И. Ленина в Кремле. Луначарский говорил о лучших стихах Казина как о произведениях «близких к шедру». Горький называл его в числе «наиболее крупных поэтов» той поры.

Сам Василий Васильевич говорит о своей жизни так:

— Главная удача моей жизни состояла в том, что я начал в дни Октября, что самые первые мои строчки были написаны в то время, «когда Октябрь лишь начинал стихи, когда был голос новой песни детским», — так у меня у самого об этом сказано...

Были у меня в жизни большие «везения», никак иначе или по-другому я не могу это назвать. В 1919 году — в день Первого мая и в день первого коммунистического субботника — я, тогдашний секретарь Бауманского райкома комсомола и молодой поэт, автор стихов о рабочем мае, рано с утра, еще до начала демонстрации, пришел на Красную площадь и увидел здесь Ленина... Каково же было мое удивление и радость, когда через несколько дней мне вручили снимок, на котором я оказался снятым неподалеку от Владимира Ильича, в группе людей, пришедших на демонстрацию, его соратников и товарищей по работе, среди рабочих и красноармейцев... На том самом месте, на площади, у Кремлевской стены, где сейчас Мавзолей Ленина. Ныне этот снимок широко известен, он всегда висит у меня над письменным столом. Какая естественность в лице у Ленина на этом снимке, во всем его облике! Я говорю об этом в стихотворении «Снимок»: «И вздрогнули с чувством священным, как глянью в удачу свою, что с ним, с дорогим, незабвенным, я рядом, мальчишка, стою»... Меня тогда тронуло, помню, что на Ленине было пальто, такое же про-

Начало было самое неожиданное, как всегда ожидал талант. В 1917 году появилось стихотворение Василия Казина «Капель». «Целый день высоты зданий мерит искристо каплей Трелью влажных восклицаний веселит она апрель...». А вслед за ним вот это — совсем уже хрестоматийное: «Кусаю ножницами я железа жесткую краюшку, и ловит подлой струей за стружку другую стружку... Ой, сколько, облезло майских луж — обрезков голубого цинка!»

стое и скромное, с точно такими же «бархотками» на воротнике, какое носил мой дядя, обыкновенный человек, портной по профессии... Ленину посвящены многие мои стихи, первое из которых было написано еще в 1920 году.

Не могу не сказать о том впечатлении, которое произвел на меня Маяковский, его личность и его поэзия. У меня с ним были короткие, дружеские, хотя, может быть, и несовместные встречи, и совместные выступления. Маяковскому я дарил книгу «Рабочий май», написав тогда, в 1922 году, «Талантлившему и оригинальнейшему громобое современной поэзии Владимиру Маяковскому». Несмотря на то, что некоторые критики из руководства Пролеткульта всячески настраивали нас против Маяковского, называя его «желтой кофтой» и так далее, но мы, поэты «Кузницы», мои товарищи, многие из нас, во всяком случае, любили его, видя в нем великого революционного новатора стиха...

И, конечно, я благодарен судьбе, что она свела меня с Есениным, что я был дружен с ним, пользовался его ласковым, всегда дружеским ко мне отношением, что, уезжая из Москвы, особенно в последние годы, он тепло писал мне. Мы были родными по духу людьми, только один из нас «шагал крестьянскою тропой», а другой — «рабочей мостовой». Так у меня сказано в стихотворении, посвященном памяти Есенина. Я иногда с ним спорил, нападал на имажинизм. Кстати сказать, Есенин, принадлежа к группе имажинистов, дружил со многими пролетарскими поэтами. Я помню, однажды в «Кафе поэтов» наш товарищ Василий Александровский, замечательный поэт «Кузницы», читал стихи и ему все время мешал — в зале было много напманской публики — громко разговаривали и стучали. Тогда Есенин вскочил на эстраду и в присутствии ему стиле зло крикнул в зал:

— Перед вами рабочий, революционный поэт выступает, а вы, сволочи нэпмачи, мешаете слушать...

Маяковский любил моего «Гармониста», а Есенину больше нравилось «Я нет» и стихотворение «Живей, рубанок...»

Дарование Василия Казина с годами раскрывалось все полнее и все ярче. Здесь нельзя не назвать его замечательных поэм, таких, как «Лисья шуба и любовь» и «Беломорская поэма», созданных еще в двадцатые и

тридцатые годы, и его стихов о Москве и о Красной площади, его лирики. Среди созданных Казиним в послевоенное время — такие лирические вещи, как «Стих Пушкина читать начни...» и стихи о матери, а также стихи о поэзии и стихах о любви... Стихи о любви и стихах о поэзии — две эти темы проходят в творчестве Казина, как это и должно быть у истинного поэта, рядом всю жизнь.

Казин взыскателен к каждой строке. Он не торопится откликнуться на то или иное событие, но в конце концов всегда находит слова, чтобы сказать и о времени, и о себе. «Стих с реактивным самолетом сходен: сначала мысль приходит, звук потем» — говорит он. Так пришел к нему замысел поэмы о вожде — «Великий почин», в которой образу Ленина, работающего на коммунистическом субботнике бок о бок с другими людьми, со всем народом, отведено основное место. Поэма эта по праву вошла в золотой фонд советской поэзии.

Казин работал с большими перерывами и подолгу молчал, но он не писал плохих стихов. Были стихи менее удачные, но никогда не было стихов неинтересных. Хотелось бы еще сказать о том, что Казин не написал ни одной лишней строчки к тому, что он должен был написать по выпавшему ему долгу поэта и человека, что он не прибавил к своим стихам ничего лишнего, мешающего или постороннего, ничего, что не вытекало бы из его жизни, из образа его поэзии. Тут уж, как говорил Твардовский, ни убавить, ни прибавить.

Не одно поколение поэтов воспитано на стихах Казина. Многие годы Казин работал в Гослитиздате редактором. Через его руки прошло много стихов наших известных поэтов. Достаточно сказать, что Казин был редактором первых книг стихов таких поэтов, как Ярослав Смеляков, Семен Кирсанов, Павел Васильев, и многих других. Не один год он руководил творческим семинаром в Литературном институте и всю жизнь работает с творческой молодежью Москвы. Из его семинара в Литературном институте вышли такие поэты, как Василий Федоров, Николай Старшинов, Яков Козловский... Очень благодарно пишет в своей автобиографии Константин Симонов, вспоминая ту помощь, которую на первых порах его литературной работы оказал ему Василий Васильевич Казин.

— Поэзия, — говорит Василий Васильевич, — дело труднее, она требует от человека всей его жизни. Подругой не скажешь. Меня беспокоит, когда молодые люди, написав два или три немудрящих, никому пока ничего не говорящих стишка, выбирают себе профессию литератора. Я уверен, что без таланта в литературе, особенно в поэзии, делать нечего... Хотелось бы еще сказать, что молодые поэты наших дней не всегда умеют чувствовать современность, ее дыхание. Активная поэзия, поэзия советская, коммунистическая...

Казин — чистое и звонкое имя в нашей поэзии.

Василий СУББОТИН.